

Встречаются, кроме того, чиновники с одинаковыми отчествами, относящиеся приблизительно к тому же времени, что, вероятно, свидетельствует тоже об их родстве. Котитион, сын Аристона, и Пританий, сын Аристона, относятся ко второй хронологической группе, и можно думать, что они дети одного отца; Аполлоний, сын Пасиада, и Артемидор, сын Пасиада, относятся к III в., и можно думать, что они тоже дети одного отца; Лагорин, сын Парфенокла, и Симай, сын Парфенокла, относятся к четвертой хронологической группе и скорее всего они тоже дети одного отца. Таким образом, во всех этих случаях мы видим родственные связи между отдельными астиномами, до некоторой степени облегчающие датировку клейм с их именами.

Как было уже сказано, многие имена херсонесских астиномов встречаются и на монетах.

Из всего сказанного выясняется роль астиномов в эллинистическом Херсонесе и значение керамических штемпелей, в легенду которых попали их имена. В Херсонесе не было найдено ни одного эпиграфического памятника, который бы прямым или косвенным образом указал на функции и обязанности астиномов. Керамические клейма с именами астиномов, повидимому, носили эпонимный характер, т. е. они обозначали дату выпуска изделий из производства. Однако в то же время в эпонимном характере херсонесских астиномов приходится видеть только их узкую функцию по отношению к керамическим изделиям. Астиномы не были эпонимами всего государства. В числе государственных эпонимов Херсонеса засвидетельствованы более важные должности: «царя», секретаря, иногда и жрецов¹. Возможно, что херсонесские астиномы одновременно заведывали и монетным делом, хотя И. Толстой предполагал, что на монетах ставились имена херсонесских «царей»².

Нужно полагать, что бывшие астиномы с течением времени занимали и другие более высокие должности государственного управления. Так или иначе астиномы, а реже и агораномы, имели отношение к торговле, производству керамических изделий, экспорту керамики и поэтому попали в легенду штемпелей. Иначе трудно было бы объяснить тот простой факт, что в легенду штемпелей попали имена астиномов, а не других магистратов эллинистического полиса.

Р. Б. Ахмеров

ЭРМИТАЖНЫЙ ПАПИРУС 1114 И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ, ВОПЛОЩЕННЫЕ В „УШЕВТИ“

В числе памятников, хранящихся в Отделении древнего Востока Государственного Эрмитажа, под номером 1114 числится листок папируса с остатками ператического текста. Этот, до сих пор не изданный, папирус был упомянут В. С. Голенищевым в его каталоге египетских древностей Эрмитажа, где о нем говорится: «фрагмент рукописи, содержащий концы гимна какому-то божеству, выполненный достаточно четкой ператикой». В. С. Голенищев датировал этот папирус временем XX династии³.

Содержание этого папируса может быть определено точно: это так называемая 166-я, дополнительная, глава «Книги Мертвых», текст которой известен по нескольким

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического, стр. 55.

² И. П. Т о л с т о й, «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте», стр. 107—108.

³ W. G o l e n i s c h e f f, Inventaire de la collection Egyptienne, 1891, стр. 177. Происхождение папируса неизвестно.

1
 5
 10
 15

TAK!
 TAK!
 TAK!

4 а. Такое написание дают еще К1, Б и Л. 25^б; К. 2, 3, 4, 5 и Л. 30: : Л. 31^а и ^б: . 4 б в К. 2, Л. 25^б и 30 отсутствует; в К. 3, 4, 5, Б, 31^а и ^б вместо пишут . 5 а К. 2, 4, Б и Л. 30 вместо дают . 6 а. К. 2, 3, 4 и Б опускают 7 а. К. 1, 4, 5 и Б опускают , Л. 31 вместо дает 7 б. вписывают также К. 2, Б. и Л. 25^б; К. 3. и Л. 30 дают ; Л. 31^а и ^б: . 10 а. К. 2, 3 и Б. вместо дают ; К. 6: . 11 а. Хотя такое написание дает только Л. 25^б я принял именно его т. к. оно подтверждается сохранившимся знаком 12 а К. 2, 3, 4 и Б опускают в и вместо него пишут . 12 б. Так еще только К. 5 и Л. 25^б; К. 6, Б, Л. 31^а и ^б дают ; К. 2 и 3 14 а. Этот вариант дают К. 5, Л. 25^б, Л. 31^а и ^б; К. 2, 3 и Б пишут что слишком велико для лакун; как К. 1 — мало. 14 б. Л. 31^а и ^б вместо дают . 14 в. К. 2 вместо дает .

Рис. 1 Иероглифическая транскрипция текста Эрмитажного папируса 1414

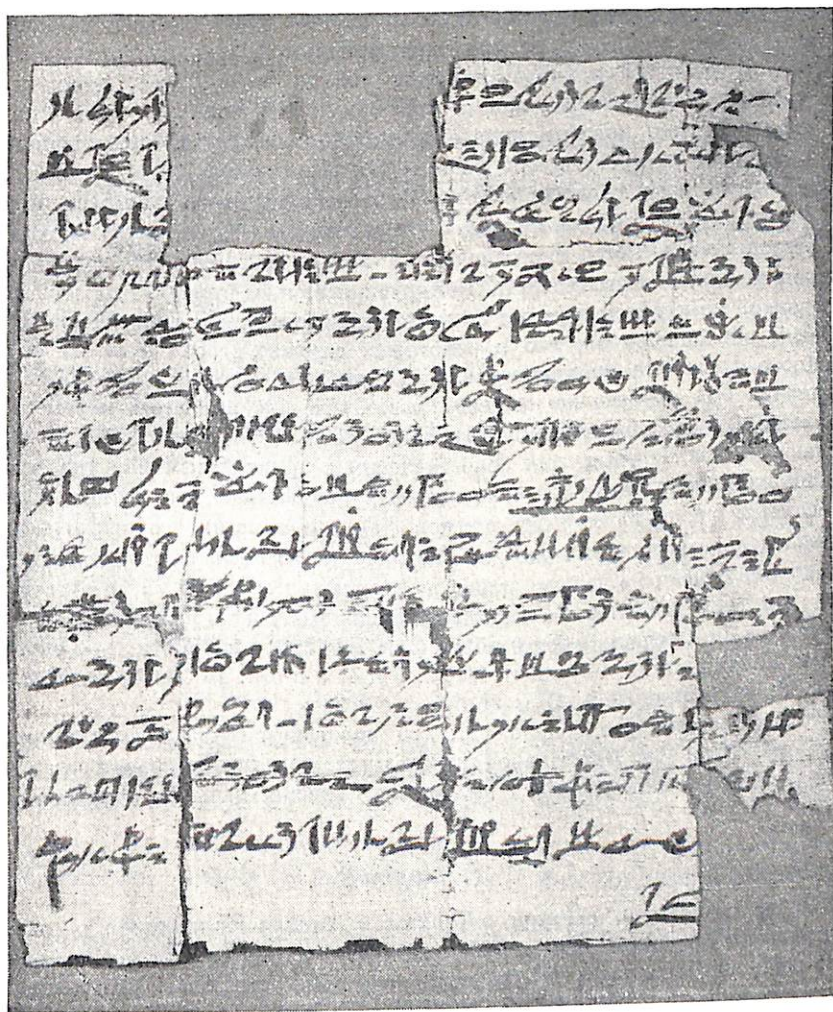

Рис. 2. Эрмитажный папирус 1114

спискам¹. Насколько можно судить по опубликованным экземплярам этой главы, наиболее ранние ее списки, найденные в саркофагах жрецов Амона, относятся ко времени конца XX — начала XXI династии. В это время они еще пишутся на отдельных листках папируса и только позднее включаются в общий свод «Книги Мертвых»².

¹ Лейденские папирусы 256, 30, 31a и 316. (W. Pleute, *Chapitre Supplémentaire du Livre des Morts*, 1881, табл. 111—125; [сокращ. Л. 256 и т. д.]); Луврские папирусы 3160 и 3235 и пап. Гайэ (W. Spiegelberg, *Die ägyptische Sammlung des Museum Meermannno-Westreenianum im Haag*, 1896, табл. IIб, IVa, Va и б); Берлинский папирус 3031 (*Hieratische Papyrus aus den königl. Museen zu Berlin*, II табл. 49—50), (сокращ. Б.) и Каирские папирусы 58001—58006 (W. Golenischeff, *Papyrus Hiératiques*, 1927, стр. 1—23 и табл. I—IV [*Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*]) (сокращ. К1, 2 и т. д.).

² Однако возможно, что время возникновения текста и более раннее, чем дошедшие рукописи, которые нередко носят название: «Книга, которая была найдена на шее фараона Усермара (т. е. Рамсеса II) (находящегося) в некрополе». Если это не простая ссылка, долженствовавшая придать вид большей значимости тексту, то он восходит, по меньшей мере, к XIX династии.

Любопытно, что в большинстве случаев, как это имеет место и на эрмитажном экземпляре, списки этой главы не указывают имени лица, для которого они написаны.

То, что эрмитажный папирус содержит только текст 166-й, дополнительной, главы «Книги Мертвых», равно как и особенности его почерка, обнаруживающего полное сходство с тем, которым написаны каирские папирусы аналогичного содержания, позволяют датировать наш папирус временем конца XX — начала XXI дин.

Эрмитажный текст написан на листке светлокоричневого папируса почти квадратной формы (высота 15,5 см, ширина 14 см). Сохранность папируса плохая: начало текста отсутствует, имеются многочисленные лакуны; особенно они велики в первых трех строках сохранившегося текста. Папирус наклеен на бумагу. При этой операции произведенной по крайней мере лет 50 назад, края отдельных фрагментов были сдвинуты: этим объясняется то, что в некоторых случаях строки смещены, а в других край одного фрагмента прикрывает знак на другом. Кроме того, один из фрагментов папируса был наклеен не на своем месте, его мне пришлось перемонтировать.

Из четырнадцати известных мне опубликованных экземпляров 166-й, дополнительной, главы «Книги Мертвых» для сопоставления с эрмитажным мне удалось использовать только одиннадцать. Это сопоставление показывает, что эрмитажный экземпляр является одним из лучших списков данного текста: его орфография более тщательна (так, в стк. 1 указано двойственное число после местоименного суффикса *f*, чего другие списки не делают, и дан детерминатив к слову *rn*, отсутствующий в K1, 2, 3, 4 и J1 30; в стк. 4 название Иалу дано правильное, чем в K2, 3, 4, 5, Б и J1 25 б), а редакция более полна (так K1, 2, 3, 4 и Б в стк. 2—3 опускают *pt' i rn. k*; имя Иакби в стк. 3 опускают K1, 2, 3 и 4, а в стк. 14 — K3, 3, Б и J1 30; *r. dr* в стк. 8 опускают K2,3, Б и J1 30).

Фотография папируса, равно как его иероглифическая транскрипция, помещены на стр. 125 и 124. Вот перевод текста: причем его начало, равно как все восстановленные места, заключенные в квадратные скобки, даны по параллельным спискам.

1. Перевод

«[О Урбег, о Кемемер, о Кемри, о Керхем, о Амги и Напуанерем ¹ — охранители Говорят перед солнечным диском, чтобы доставить им существующее ². Позаботьтесь вы все о Иакби ³. Он умер вынужденно, его убил его брат. Его сын сделал это для *kt* ⁴ и нет никого, чтобы оберечь его. И они приведут его душу в залу Истин⁵ перед Мамрем-Кахб, владыкой всех нас; тот, пред которым он будет, защити его от его врагов. Он лев, чернолицый, красноголовый, из сердолика язык ^{x+1}] | его ⁶, чье имя [«убивающий врагов от]ца своего, не | беря поща против них». Мамрем-Кахб имя твое! | Вот имя твое, вырежь ты [его на спине твоего величества И]акби. | Обрати лицо твое к нему, да будут даны тобой ему земли на полях Иалу и | жертвы на полях блаженных. Дай ему дар сделать, чтобы души были успокоены | как твоего величества по желанию твоему. Дай, чтобы он ходил во всякое место по своему желанию, | будучи в любом образе по своему желанию.

¹ Имена богов-охранителей.

² Это, очевидно, указание на обряд чтения данного текста. Ср. аналогичные указания в главах 146, 158 и др. «Книги Мертвых».

³ Это — одно из имен Осириса. В данном тексте под этим именем имеется в виду покойник. Ср. *'i kb* «плач, вопль».

⁴ Может быть, это слово следует сопоставить с *kt* (см. словарь Ег. яз., V, 148. 19) и понимать его как «нокров»?

⁵ Т. е. в залу, где происходит загробный суд.

⁶ Буквально «то, что промеж губ его».

О Мамрем-Кахб, владыка всех ⁸ | нас, отнимающий у всех нас дыхание! Вот эти ушебти, ⁹ | рабы и рабыши, они принадлежат твоему величеству Иакби, все это ¹⁰ | его рабы, когда (еще) он пребывал на земле. Он тот, кто приобрел ¹¹ их. | Дай, чтобы он руководил ими постоянно ¹², дай, чтобы они делали | работу вместо него, не зная времени для размышления. Ты их ¹³ | благой свидетель перед Мамрем-Кахб. | Все, что ты пожелаешь, ты сделаешь это для твоего величества Иакби, когда ¹⁴ возгласят | его ¹⁵ книгу перед тобой».

Текст 166-й, дополнительной, главы «Книги Мертвых» дошел до нас, по сравнению с большинством других, в небольшом количестве списков, и этим уже может быть оправдана публикация эрмитажного экземпляра. Однако этот текст, полный различными темными мифологическими намеками, интересен не только в историко-религиозном отношении, — гораздо большую важность он представляет для решения проблемы о назначении столь часто встречаемых статуэток ушебти. Только этой стороны текста я и намерен здесь коснуться.

Заключительная часть разбираемого текста в совершенно четких выражениях трактует ушебти как рабов, приобретенных умершим еще при его жизни на земле для того, чтобы работать за него в царстве мертвых. Как рабы трактуются ушебти и в декретах Амона, сохранившихся на двух деревянных дощечках, текст которых настолько важен, что я привожу их в переводе по критическому изданию Я. Черного ³, правильно отметившего их близость с текстом 166-й, дополнительной, главы «Книги Мертвых».

2. Указ Амона в пользу Несихонсу

«Говорит Амон-Ра, царь богов, бог великий, старейший из сущих: я поручаю этим ушебти, которых сделали для Несихонсу дочери Тихентота, чтобы они делали всякие поручения для Несихонсу, дочери Тихентота, всякого рода дела, которые умеют ⁵ делать | ушебти, поручения человека, который умер, который приведен в некрополь и который стал божественным, не делая недостачи (т. е. чтобы ушебти безотказно работали).

Речь, которую произнес (букв. «сделал») Амон: «Я дам им делать это для Несихонсу, дочери Тихентота».

Сказано Амоном-Ра, царем богов, богом великим, старейшим из сущих: «Я поручаю ¹⁰ этим | ушебти, которые сделаны для Несихонсу, чтобы они делали всякие поручения, для выполнения которых изготавливаются ушебти для того, чтобы освободить ⁴ всякую почтенную мумию, чтобы сделали это, чтобы освободить Несихонсу. Я поручаю им освободить ее во всякий год, во всякий месяц, во всякую декаду, во всякий день, во всякий добавочный день года.

¹⁵ | Копия (?) документов, которые были положены перед Амоном-Нестаун храма Обелиска в 5 год 4-го месяца *smw* во второй день. Говорит Амон Нестаун храма Обелиска, этот великий бог, в двух рукописях ⁵, которые утверждают: что до всего, что было дано изготовителям фаянса в оплату этих ушебти, сделанных для Несихонсу, дочери Тихентота ²⁰ | в виде какой-либо меди, одеяний, хлеба, печений и рыбы, которые даны

¹ Такое значение для выражения *iny m snn* обосновано Черным.

² Так я перевожу выражение *hr tp 3.t*.

³ J. C e r n y, Le caractère des Oushebtis d'après les idées du Nouvel Empire, ВІРАО, ХІІ (1942), стр. 105—133.

⁴ Здесь применен термин *m^{ck}*, который является специальным выражением для иммунитета. Имеется в виду освобождение от работ и повинностей.

⁵ Речь идет о том, что ответ бога был изложен в двух редакциях: положительной и отрицательной. Одобрением одной из них статуя бога выносила свой оракул. См. об этом в моей статье «Судебные оракулы в древнем Египте», ЗКВ, IV(1930), стр. 51 сл.

им в их оплату, равно, как все, что им дадут в их оплату, — эти изготовители фаянса удовлетворены ими как деньгами оплаты. Что же касается всего, что сделано для ушебти, чтобы оплатить их для того, чтобы они делали все вместо человека при поручении, когда говорят: «Я сделаю все то, что они делают», это цена (букв. «положенное»), чтобы ушебти действовали вместо Несхонсу, дочери Тихентота, чтобы они были хороши для нее и чтобы они делали ей добро».

Итак, и здесь ушебти рассматриваются как рабы, которые приобретены для потусторонней службы на покойника таким же точно образом, как для той же цели в Египте приобретались люди.

То представление о сущности ушебти, которое вытекает из текста 166-й, дополнительной, главы «Книги Мертвых» и декрета Амона, настолько отличается от установившегося на них взгляда, что это заставляет еще раз задуматься о том, что же такое ушебти.

Наиболее ранние ушебти ¹, относящиеся по времени, повидимому, к самому концу Среднего царства ², по своей форме и надписям вполне сходны с теми статуэтками, которые служили вотивной заменой погребения, вследствие чего их нередко путали ³. Эти ранние ушебти часто укладывались в деревянные гробики, надписи на которых, помимо имени покойника, обычно содержат традиционную жертвенную формулу *htr dj nS.t*, т. е. основной элемент текстов, писавшихся на саркофагах. На самих же статуэтках писалась формула так наз. VI главы «Книги Мертвых»⁴: «Да даст царь жертвы такому-то ⁵. Он ⁶ говорит: «О ушебти, этот, когда сосчитают (т. е. призовут) имя такого-то к работам, которые выполняют в некрополе, как человека (призываемого) к своим обязанностям, чтобы возделывать поля, чтобы оросить прибрежные земли, чтобы перевозить песок с востока на запад ⁷, скажи: «Я, вот я». Итак, надпись, преследует ту цель, чтобы статуэтка выполняла в царстве мертвых ту работу, которую могут потребовать с покойника. То обстоятельство, что единственное имя, упоминаемое на ушебти ⁸, — это имя самого покойника, а также, что по своему облику они его напоминают (лучшие образцы статуэток имеют портретное сходство с покойником, ушебти женщины имеют женскую прическу, ушебти верховного жреца имеют его атрибуты и т. п.), привели Борхардта ⁹ к утверждению, что это статуэтки не слуг, но изображение самого покойника, долженствовавшее магическим образом заменить умершего на работах в царстве мертвых, оставив на долю тела вечное блаженство.

Эта теория была вскоре поколеблена фактом опубликования ушебти времени Нового царства, надпись на котором совершенно недвусмысленно называет его *hm* «раб». «О ушебти этот, раб господина своего...»¹⁰ Тогда А. Гардинер выдвинул новое объяснение ушебти, которое сводится к следующему ¹¹: 1) по египетским представлени-

¹ Этимология этого слова до сих пор не ясна. Попытки возвести его то к понятию «дерево» (а след. «деревяшка»), то «кормить» (а след. «кормилец»), то «отвечать» (а след. «ответчик») не вполне убедительны.

² Их число весьма ограничено, и датировка не вполне достоверна.

³ См. о них в моей статье «О погребении бедняков в древнем Египте», ТОВЭ, III, стр. 93 сл.

⁴ Я даю перевод в наиболее ранней редакции, возможно, относящейся к самому концу Среднего царства. С начала XVIII династии не только подробнее излагаются обязанности, лежащие на ушебти, но меняется начало формулы, которая теперь вводится не обещанием жертв, а заявлением: «Просветлен Осирис такой-то».

⁵ Указывается не только имя, но, как правило, и его звание.

⁶ Т. е. покойник.

⁷ Речь, видимо, идет о перевозке на поля плодородной, богатой перегноем, земли.

⁸ Как мы увидим ниже, имеется исключение.

⁹ *ÄZ*, 32(1894), стр. 111 сл.

¹⁰ *ÄZ*, 42(1905), стр. 81. Позднее был опубликован еще ряд ушебти, названных рабами.

¹¹ *ÄZ*, 43(1906), стр. 57—59.

ям Древнего царства в царстве мертвых, вместо покойного, работают статуэтки его слуг, положенные к нему в могилу; 2) в период, предшествовавший Среднему царству, сложилось иное представление, а именно, что покойник сам должен работать в потустороннем мире. Но так как такая судьба была нежелательна, в гробницу кладут статуэтки, изображающие самого покойника (это и есть будущие ушебти), которые и должны работать вместо него; 3) после Среднего царства происходит смешение обоих представлений, в силу чего ушебти одновременно являются и слугами умершего, работающими на покойника, и его собственным изображением, почему они имеют облик самого умершего, носят его одеяние и атрибуты, а также его имя.

Эта точка зрения в настоящее время является общепринятой — она легла в основу специальной книги Л. Шпелерс, посвященной ушебти, и ее вновь повторил в уже упоминавшейся статье Я. Черный. Ее же придерживался безвременно погибший в боях с немецко-фашистскими захватчиками наш советский ученый Н. А. Шолпо, посвятивший интересную статью проблеме ушебти¹. Но принять установившуюся точку зрения мне представляется невозможным и потому, что она противоречит некоторым фактам, и потому, что развитие воззрений на ушебти шло иначе, чем его излагают указанные работы.

Прежде всего ошибочно утверждение, что ушебти носят имя самого покойника². На самом деле, как это видно из приведенной выше обычной формулы надписи, имеющейся на ушебти (и в этом отношении она полностью совпадает с позднейшими, более подробными редакциями), покойник назван по имени и титулу только потому, что сам заклинает ушебти работать вместо него и откликаться при вызове на работу — вместо покойника. Правильность моей точки зрения полностью подтверждается надписью на ушебти № 285 Бруклинского музея, в которой обычная формула, кончающаяся «скажи: я, вот я» продолжается: «ты раб (*hm*), внимающий глазу Анубиса, по моей милости», которая не может быть понята, если считать, что ушебти это сам покойник.

Не может быть понята при установившейся трактовке ушебти и надпись на статуэтке Берлинского музея № 10814, в которой, после обычной формулы, читаем: «Повинуйся тому, кто сделал тебя, и не слушай его врагов» — надпись, вполне уместная по отношению к рабу, но непонятная, если она относится к покойнику.

Полностью исключает возможность понимать ушебти как самого покойника и надпись, имеющаяся на эрмитажном ушебти № 893, кратко описанном в уже упоминавшемся каталоге В. С. Голенищева. Эта статуэтка, сделанная из известняка, изображает человека в одеянии мертвых со скрещенными на груди руками. Полосатый платок на голове и ожерелье на груди, равно как лицо и руки, сохранили еще следы раскраски. Остатки раскраски имеются также на рельефном изображении души Ба, расположенной в виде птицы ниже скрещенных рук. Ниже птицы идет вертикальная строка надписи (рис. 3а) «Просветлен Осирис — Самут, правогласный». Другая строка вертикальной надписи имеется на спине (рис. 3б) «Этот раб Тенерптах, принадлежащий Самут, пра-

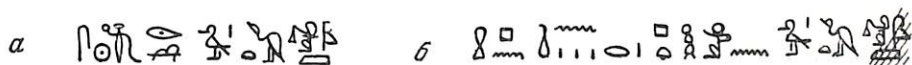

Рис. 3.

¹ К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых «ушебти», ВДИ, 1940, № 2, стр. 35 сл. В этой статье он, между прочим, упоминает и публикуемый мной папирус.

² Это традиционное заблуждение основано, вероятно, на том, что в более поздние времена надпись на ушебти во многих случаях сведена до текста: «Просветлен Осирис — такой-то, правогласный». Но то, что этот текст является простым сокращением традиционной формулы, хорошо известно.

⁹ Вестник древней истории, № 4

вогласному»¹. Исходя из этой надписи, можно заключить, что статуэтка олицетворяет раба, являвшегося собственностью умершего, но не самого Самут.

Представления о потусторонней судьбе умершего складываются на самых ранних стадиях общественного развития. Совершенно понятно, что эти представления отражали те отношения, которые к тому времени существовали в обществе. Однако было бы ошибочно считать, что эти представления, как и прочие религиозные верования древнего Египта, затем оставались неизменными. Вновь возникавшие общественные отношения, разумеется, не сразу, но все же переносились и в область религии и в представления о загробной судьбе умершего, насапываясь на старые верования, условия и видоизменяя их, а иногда и прямо противореча уже установившимся взглядам.

Одним из наиболее ранних представлений о потустороннем мире следует считать воззрения, по которым и там, на том свете, существуют поля, поля Иалу, где, как и на земле, произрастают злаки — ячмень и полба, отличающиеся от земных растений только своими гигантскими размерами и тем, что приносят неизменно-обильные урожаи: для этой цели в могилы, относящиеся к доклассовому Египту, кладут зерно, очевидно, для посева, и серпы — для уборки колосьев. Именно потому, что представление о полях Иалу возникли еще в недрах земледельческого, доклассового общества Египта, когда все члены общины занимались земледельческим трудом, религиозные верования даже значительно более поздних периодов считают земледельческий труд на полях блаженных не только необходимым, но и почетным делом, изображая даже самого царя пахущим землю².

В дальнейшем, при росте классовой дифференциации, при возникновении классового общества, при кристаллизации рабовладельческой аристократии, для которой физический труд становится излишним (ибо все потребности этого слоя обслуживались трудом слуг и рабов), а значительно позднее даже ненавистным и унижительным, представления о необходимости работать на полях Иалу становятся неприемлемыми. Эти новые религиозные воззрения первым освобождают от физических работ самого фараона; его отождествляют с богами и считают теперь царем страны мертвых: «занимаешь ты свой трон в полях Иалу» говорят умершему «тексты Пирамид» (§ 1987 с.), и на этих полях, где «возделан для тебя ячмень, срезана для тебя полба» (§ 874а), должны работать остальные покойники. Освобождается от этих работ, (но, как мы увидим, только частично) и знать: в их гробницы кладут не только необходимую для того, чтобы жить в привычной обстановке, утварь, одежды и т. п., но и статуэтки рабов и слуг³, которые, так же как и изображения тех же лиц на стенах могил, в силу магических заклинаний оживают в царстве мертвых и обслуживают своего господина: работать на себя знатному покойнику теперь не надо.

Тем не менее, если работы на полях Иалу уже больше не являются источником существования знатного покойника (на него ведь работают и статуэтки слуг, и его обслуживают храмы, которым каждое знатное лицо завещает часть своего имущества), они все же остаются обязательными — в силу новых воззрений, сложившихся под

¹ В. С. Голенищев, ук. соч., стр. 130, считает, что это надпись посвятельная и что Тенертах — даритель статуэтки. Он, трактует *n*, который я понимаю как показатель косвенного родительного падежа и потому перевожу его «принадлежащий», показателем дательного падежа. Понимание В. С. Голенищева мне кажется невероятным не только потому, что весьма сомнительно, чтобы раб имел возможность делать такие дорогие подарки, как каменный ушебти, но и потому, что вряд ли надпись опустила такое существенное слово, как «подарил».

² Возможно, что эти изображения Нового царства, как и царские ушебти того же времени, на самом деле были явлениями вторичными; я надеюсь к ним вернуться в другой работе.

³ На ранних этапах развития этих представлений покойника сопровождали на тот свет не статуэтки, но специально убивавшиеся при погребении рабы.

влиянием классовых отношений в обществе, воззрений, в силу которых египтянин обязан работать на царя, олицетворявшего верховное единство общин, и обслуживать богов-царей. Эту сторону обязанности людей особенно подчеркивает и внедряет осирическое учение, распространившееся первоначально лишь на царя, с конца Древнего царства — на вельмож, а с XI династии — и на прочих египтян. И от обязанности работать на царя и богов на том этапе развития рабовладельческой деспотии освободиться было невозможно даже для верхушки общества.

Однако на земле выполнение повинностей для знати сводится к службе на царя, выполнение же различных натуральных повинностей перекладывается ими на слуг и рабов, хотя, вероятно, в принципе выполнение этих повинностей считалось все же обязательным. Процесс освобождения верхушки общества и от формальной обязанности выполнять различные повинности был, повидному, очень длительным, сложным и осуществлялся в условиях острой классовой и сословной борьбы, проследить которую можно будет только в результате кропотливых исследований. Но наличие этого процесса не вызывает сомнений, ибо о нем очень ярко свидетельствуют отдельные явления. Так, например, об освобождении сначала части, а затем и все большего числа жречества от выполнения таких повинностей говорят иммунитетные грамоты Древнего царства¹. Ярчайшим свидетельством этого процесса являются многочисленные поучения на все лады восхваляющие профессию «писца» (т. е. представителя господствующего сословия свободных египтян) по сравнению со всеми остальными занятиями. Эта мысль находит свое выражение уже в тех из поучений, которые относятся к Среднему царству, но только в Новом царстве она облекается в форму, столь явно проникнутую презрением ко всякому физическому труду, а вместе с тем в форму, прямо перекликающуюся с изображениями и надписями на ушебти и отвергающую как раз все те обязанности, для осуществления которых и созданы эти статуэтки. «Сделай писцом! Он освобожден от повинностей, он охраняет при всяких работах, он удален от мотыги и кирки. Ты не носишь корзины. Разделяет это тебя от гребущего вельмом. Удален он (т. е. писец) от тягот; ты не будешь под господами многими, под многочисленными начальниками»².

Совершенно закономерно этот процесс отражается и в заупокойных представлениях, хотя, вероятно, и много позднее, чем в реальных общественных отношениях. Первые, повидному, указания на это мы видим в текстах саркофагов, в главе, носящей заглавие: «Соединение семьи: отца, матери, детей, родных, близких, жен и наложниц, крестьян (*m r. t*) слуг (*b³kw*) и всяких вещей человека с ним в Некрополе», к которому в некоторых случаях добавляется утверждение о том, что это магическое заклинание «Воистину прекрасно, многократно (испытано)!». В этой главе говорится о том, что покойник приплывает в царство мертвых в ладье Ра, где с ним встречается его семья, с которой он воссоединяется: «Старейшие семьи этого такого-то подходят ликуя, сердца их радостны при приближении этого такого-то. Кинули они на землю свои инструменты *h^c b* и *hⁿk. w*, мотыги и сосуды, ибо освободил их этот такой-то от повинностей Исиды, от исчисления Нут, от великих повинностей двух львов (т. е. богов Шу и Тефнут)». Вновь прибывший покойник, вооруженный магической силой, вложенной в надписи, покрывающие саркофаг, освобождает благодаря им своих предков и членов своей семьи от выполнения лежащих на них повинностей, которые полагается выполнять в царстве мертвых.

¹ См. о них в моей статье «Иммунитетные грамоты Древнего Царства», ТОВЭ, I, стр. 93 сл. Читателю необходимо, однако, учесть, что развивавшиеся мной тогда взгляды о феодальном характере древнеегипетского общества являются ошибочными. На самом деле, как это первым указал в советской науке, а затем и доказал рядом своих работ акад. В. В. Струве, и древнеегипетское общество, и другие общества древнего Востока являлись рабовладельческими.

² Папирус Анастази II, 6.3—7.3. См. также сходные тексты пап. Салье I, 6.10—11, Честер-Бити IV, об. 3.11—4.1 и др.

Дальнейшее развитие этой же идеи, сопряженное с общим процессом формального освобождения знати от царских повинностей, спустя несколько веков мы находим в пятой главе «Книги Мертвых», магическая формула которой направлена на то, чтобы «не давать человеку работать в некрополе».

Выражением той же идеи являются и сами ушебти: это рабы, на которых возложена теперь обязанность работать в царстве мертвых за покойника и выполнять его обязанности. Потому-то стандартная формула VI главы «Книги Мертвых», выписанная на статуэтках ушебти, и отредактирована от имени умершего к ушебти — обычно безыменному, абстрактному р:бу.

Но вместе с тем, для того чтобы обмануть богов и заставить их думать, что работает не раб, а сам покойник, статуэтке придается и внешнее сходство с покойником и дается одежда, отнюдь не свойственная рабам. Вот это-то сходство, имевшее целью обмануть древнеегипетских богов, было в заблужденне и многих ученых.

И. Лурье

ПОДПИСЬ ПОД СТАТУЕЙ ИЗ АНАПЫ

Среди найденных в 1939 г., вместе с известной анапской статуей, хранящейся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, восьми мраморных обломков с греческими надписями имеются шесть, складывающихся вместе и образующих фрагментированную плиту размерами 33 × 24 × 3 см с греческим текстом на обеих сторонах. Верхней части плиты и одной из сторон недостает. На сохранившемся углу с обеих сторон имеются выемки в виде двух сходящихся под острым углом борозд. На одной стороне прорезана, кроме того, еще одна небольшая, но глубокая выемка, идущая от края, параллельно тексту. Эти углубления, несомненно, служили для крепления плиты с помощью металлических скреп.

Количество текста на обеих сторонах неодинаково: на одной из них уцелело 8 строк, на другой — 6. Начальные строки надписей отсутствуют и с той и с другой стороны. Форма и размер букв неодинаковы. Надпись, сохранившая 8 строк, исполнена более изукрашенными и большего размера буквами, чем надпись оборотной стороны. Однако обе надписи, как это сразу видно из их сравнения, воспроизводят один и тот же текст.

Трудно представить себе, чтобы обе надписи были разделены большим промежутком времени. Их следует считать одновременными, а наличие большой разницы в шрифте может служить лишь предостережением при попытках датировать надписи римского времени на основании характера шрифта.

На одной стороне, которую мы будем называть стороной А, сохранились следующие строки (рис. 1):

1. ΣΙΑΕΩ
2. ΤΟΥΦΙΑ
3. ΡΩΜΑ . . . ΕΥΣΕΒΟ
4. ΔΩΡΩΤΟΝΠΡΙΝΕΠΙ
5. ΤΟΝΙΔΙΟΝΠΑΤΕΡΑΚ
6. ΡΟΔΩΡΟΣΝΕΟΚΛΕΟ
7. ΓΙΠΠΕΙΑΣΑΝΕΣΤΗΣ
8. ΕΝΤΩΓ